

Алексей Будищев

Кукушкины слезы

Алексей Николаевич Будищев

Кукушкины слезы

Аннотация

«Валентина Михайловна, кутаясь в пуховый платок и держа на руках толстого кота Гри-Гри, вышла в сад. Она трое суток спала, не раздеваясь, ухаживая за больным сыном, и ужасно устала. Её кости ломают в суставах точно от ревматизма, и во всем теле, кажется, нет ни одного здорового местечка; все болит, ноет и тоскует. Валентина Михайловна прошла по садовой дорожке и у стола опустилась на скамейку неподалеку от круглого озера, лежавшего между садом и огородом. Было тихо; поверхность озера лежала, не шевелясь, и розовая тучка, отражавшаяся в его водах, точно накрывала озеро розовой кисеею. Левый отвесный берег озера – жирный и ноздреватый, как кокс, просачивал воду, падавшую тяжелыми каплями; казалось, вся эта черная и жирная стена была насыщена водою, как губка...»

Алексей Будищев

Кукушкины слезы

Валентина Михайловна, кутаясь в пуховый платок и держа на руках толстого кота Гри-Гри, вышла в сад. Она трое суток спала, не раздеваясь, ухаживая за больным сыном, и ужасно устала. Её кости ломают в суставах точно от ревматизма, и во всем теле, кажется, нет ни одного здорового местечка; все болит, ноет и тоскует. Валентина Михайловна прошла по садовой дорожке и у стола опустилась на скамейку неподалеку от круглого озера, лежавшего между садом и огородом. Было тихо; поверхность озера лежала, не шевелясь, и розовая тучка, отражавшаяся в его водах, точно накрывала озеро розовой кисеею. Левый отвесный берег озера – жирный и ноздреватый, как кокс, просачивал воду, падавшую тяжелыми каплями; казалось, вся эта черная и жирная стена была насыщена водою, как губка. Вечер был тихий и ясный. Клейкий молодой листок берез не шевелился. Валентина Михайловна сидела на скамейке, смотрела на озеро и думала; «Неужели Светик умрет? Это будет ужасно. Неужели Бог так несправедлив!» Она вздохнула и шевельнула коленами, поправляя дремавшего на них кота. Кот щурил глаза и делал носом «гри-гри». Казалось, он был до того влюблен в себя, что повторять свое собственное имя доставляло ему громадное удовольствие. Хозяйка почесала у него

за ухом. Валентине Михайловне лет 45. Она полна и, вероятно, когда-то была очень недурна собою; а теперь она, пожалуй, даже безобразна. Кожа её лица от неумеренного употребления всевозможных косметик сплошь сведена в мелкие морщинки и пожелтела. Подзобок под её маленьким подбородком тоже желт И весь покрыт бугорками, как шагреневая кожа.

«Если Светик умрет, – подумала она, – у меня никого не останется. Никого».

Она вздохнула и поднесла надушенный платочек к глазам с припухшими веками и затем к правильному с небольшой горбинкой носику, слегка сдавленному возле ноздрей. Валентина Михайловна смахнула с ресницы слезинку и снова подумала: «Нет, Бог несправедлив. Завтра Пасха, а у меня умирает любимейший сын. Ах, как это тяжело! Главное, в этой трущобе не достанешь даже порядочного доктора. Александр Иваныч плох, но и того утащили куда-то за 50 верст. Вторые сутки сидишь без всякой помощи. Чего доброго и сама расхвораетесь!»

Валентина Михайловна снова вздохнула и стала глядеть на озеро. Тучка, накрывавшая его поверхность как бы розовой кисеей, коробилась и темнела. На березе закуковала кукушка. Соловей пустил из куста акации две ноты, затем замолчал, подумал и перелетел на ту сторону озера. Ветерок тянул лениво и пах цветами и водой.

Пасха в этом году была поздняя. Кукушка закуковала

в страстную пятницу, а соловей запел на Лазареву субботу; он дебютировал в вишневом кусту, но оттуда был выгнан котом Гри-Гри. На следующий день соловья слышали уже на огороде в бузине, по ту сторону озера; но и там ему не дал покою повар, который непременно хотел его изловить, чтобы подучить кое-каким, известным только повару коленцам и затем продать купцу Тарасьеву за 25 рублей или, в крайнем случае, выменять его на флейту.

Валентина Михайловна куталась в платок и продолжала смотреть на озеро. Внезапно за березами она услышала шорох; она повернула голову и увидела там своего второго сына Диодора или, как она его называла, Дидика. Дидик держал в одной руке пращу, сшитую из сыромятной кожи, а другой поддерживал подол серой куртки, наполненный мелкими камешками, Валентина Михайловна поняла, что мальчик подкрадывался к соловью, чтобы убить его камешком. Дидику 12 лет, он на два года моложе Светика, но ужасно не развит; он почти идиот и, кроме того, ужасно зол. Его любимое развлечение – бить пращой голубей или травить собаками Гри-Гри. Он хитёр, злопамятен и ненавидит свою мать. Читать его выучили с трудом, считать он умел только до семи, но, однако, у него хватает уменья и терпенья вытачивать из осколков дикаря камешки, удобные для метания пращой. Валентина Михайловна увидела сына, и её сердце охватила неприязнь к этому скверному мальчишке.

– Дидик! – позвала она, поднимаясь со скамейки.

Однако. Дидик не пошел на зов, а залег в рыжие кусты орешника. Он пополз, как кошка, чтобы обогнуть озеро и, выскочив к огороду, обмануть таким образом мать. Но Валентина Михайловна разгадала маневр сына, побежала на цыпочках наперерез, ринулась в кусты и, прежде чем Дидик успел приготовиться к обороне, поймала его за ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.